

На правах рукописи

Мас

МАСЛОДУДО Сергей Викторович

**МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УСТЬ-МЕНЗА-2
КАК ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА И ПАЛЕОМЕТАЛЛА
ЮГО-ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ**

5.6.3.— Археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Владивосток — 2026

**Работа выполнена в ФГБУН Институт Истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН**

Научный руководитель:

Константинов Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита

Официальные оппоненты:

Дроздов Николай Иванович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исторической регионалистики Енисейской Сибири Гуманитарного института ФГАОУ «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск

Крупянко Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела экспертных работ ООО НПЦ ИКЭ, г. Владивосток

Ведущая организация

**ФГБОУ ВО Иркутский национальный исследовательский
технический университет**

Защита диссертации состоится 24 сентября 2024 г. в 15 час. на заседании диссертационного совета 24.1.068.01 на базе ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН по адресу: 690001 г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт Истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
<http://ihaefe.org/training/dissertation-council-ihaefe/futured>

Автореферат диссертации разослан « ____ » « _____ » 2026 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук

О.П. Федирко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется важностью понимания исторических процессов, происходящих на территории Забайкалья как составной территориальной части северной и центральной Азии в древние периоды истории, на основе достоверных материалов обстоятельно изученного многослойного поселения.

Древние многослойные поселения – это особый вид поселенческих памятников археологии. В их структурах представлены серии культурных слоёв, расположенных друг над другом, что создаёт надёжную основу для относительной хронологии, для выявления традиций и новаций в материальной и духовной культуре. Поскольку культурные слои многослойного поселения всегда включены в конкретное геологическое тело в виде отложений различного генезиса, то появляется возможность для анализа природных процессов и оценки их воздействия на жизнь первобытных общин, а также для формирования природно-исторических схем.

К объектам с множеством культурных слоев относится древнее поселение Усть-Менза 2, расположенное в Красночикойском районе Забайкальского края. Открыто в 1980 году Чикойской археологической экспедицией Читинского пединститута (ныне ЗабГУ). В процессе планомерных раскопок, проводившихся более сорока лет, на этом поселении изучено 34 культурных слоя. Они заключены в толщу отложений II надпойменной террасы мощностью 9,6 м. В структуре отложений выделяются маркеры, свидетельствующие о теплых и холодных, влажных и сухих периодах, субаквальных и субаэральных условиях, геоклиматических рубежах и т.д., отражающих природные обстановки позднего плейстоцена и голоцена. Необходимость изучения многослойных поселений определяет практика археологических исследований, имеющих длительную историю и включающую в себя деятельность многих поколений археологов (Окладников, 1959, 1961; Ларичев, 1969, Константинов, 1983, 1994, 2002).

Целью работы является концептуальное оформление научных представлений о поселении Усть-Менза-2 с его уникальной многослойностью, отражающей культурные достижения эпохи верхнего палеолита и палеометалла.

Задачи исследования:

- обобщённая характеристика памятника, основанная на анализе системы отложений, включающей в себя серию постоянных поселений и временных лагерей, последовательно перекрывающих друг друга;
- определение стратиграфической позиции и культурной значимости каждого из культурных слоёв с обоснованием выделения поверхности обитания, её сохранности и насыщенности структурами и артефактами;
- планиграфические разработки отражённых в культурных слоях жилищно-хозяйственных и прочих структур с целью определения их характера и использования;
- обоснование возраста культурных слоёв на основе археологических, геологических, радиоуглеродных и других данных;
- характеристика вещественных источников как базовых для выявления основных черт материальной культуры и образа жителей обитателей поселения;
- выявление места Усть-Мензы-2 в археологических культурах верхнего палеолита и палеометалла Забайкалья.

Географические координаты: Забайкальский край, Красночикойский район, юго-западное Забайкалье, среднее течение р. Чикой (бассейн Селенги), Усть-Мензинское урочище.

Хронологические рамки определяются эпохой верхнего палеолита, включая заключительную фазу его среднего периода (20-18 тыс. л.н.), поздний и финальный

периоды (18-10,3 тыс. л.н.), и эпоху палеометалла (4-3 тыс. л.н.) В диссертации используется традиционная хронология без пересчёта на календарный счёт времени.

Объектом исследования является уникальное многослойное поселение Усть-Менза-2, представленное 34 культурными слоями верхнего палеолита и палеометалла.

Предмет исследования - структура древнего поселения, определяемая сочетанием исторических и природных элементов с детальным анализом каждого культурного слоя и всех его составляющих в виде жилищно-хозяйственных структур и предметного материала.

Методы исследования:

- археологические, включающие в себя полевые, камеральные и аналитические методики, включая данные смежных наук;
- историографический, позволяющий восстановить историю исследований во взаимосвязи фактов открытий и взглядов исследователей на научные проблемы;
- геоархеологический, представляющий информацию о генезисе и возрасте отложений изучаемых объектов и формах рельефа, освоенных для обитания;
- корреляционный, основанный на сравнении с многослойными памятниками базового и соседних регионов.

Научная новизна. Впервые в полном виде используется весь объём материала, полученного в результате 42-летнего изучения поселения Усть-Менза-2. С участием автора площадь раскопок на памятнике расширилась в 2,2 раза, состав коллекции – в 10 раз, открыто 7 культурных слоёв, обнаружены новые структуры, такие как жилища и хозяйственные конструкции разных типов, очаги, погребения, яма для горячей просушки керамики, ямка с разложившейся до порошка медью, «кладовка рудознатца» и др. Разработана система описания планиграфических сюжетов с использованием термина «структура». Составлено представление о характере и продолжительности использования террасовых площадок для организации постоянных поселений и временных лагерей. Более полно обоснован возраст культурных слоёв и горизонтов, уточнена хронология и периодизация. Проведён корреляционный анализ с однокультурными объектами, позволяющий составить развёрнутое представление о занятиях и образе жизни населения. Раскрыты новые данные об использовании человеком металла. Выделена серия инструментов, предназначенных для добычи и переработки руды.

Методология:

Общенаучные принципы, основанные на признании познаваемости мира; понимание археологических материалов как исторических источников; отражение взаимодействия природы и общества в археологическом материале; определение хронологии на основе принципов линейности, необратимости и конкретности времени; формирование периодизации как отражения развития культуры в её предметных проявлениях.

Защищаемые положения:

1. Многослойные поселения являются особыми поселенческими объектами, обладающими высокой степенью информативности и достоверности. Систематическое планомерное многолетнее изучение древнего поселения, с привлечением данных смежных наук, позволяет сформировать обобщающий образ памятника как археологического и историко-культурного объекта.

2. Комплексное изучение многослойного поселения с проникновением в аллювиальную толщу на предельную глубину и раскрытием обширной, обитаемой на разных культурных уровнях, площади позволяет определить данное исследование как памятниковедческое, позволяющее представить поселение Усть-Менза-2 как уникальный объект историко-культурного наследия и опорный памятник в системе региональных корреляций.

3. В геоархеологической структуре поселения Усть-Менза-2 представлены культурные слои, отражающие два основных типа обитания: постоянного, весьма длительного поселения с традиционной благоприятной локализацией в пространстве с серией жилищ и кратковременного в виде охотничьего лагеря на подходящем месте, что отражает умение максимально адаптироваться к природным условиям и вести результативную охоту на окружающей местности.

4. Углублённый планиграфический анализ обширных площадей поселений позволяет идентифицировать древние жилища разных типов и сопутствующие им структуры.

5. Коллекция палеолитических артефактов с точной раскладкой по 32 культурным слоям позволяет установить появление архаичной микропластинчатой техники в КС 25-27 (20-18 тыс. л.н.) и её постепенное развитие и уверенное использование в КС 3-24 (18-10,3 тыс. л.н.) с постепенным накоплением технических навыков и совершенствованием приёмов расщепления с использованием микронуклеусов.

6. Обитатели древних чикойских поселений обладали практическими знаниями для нахождения и использования различных пород камня, а в эпоху палеометалла - поиска горной руды и её переработки специальными орудиями, начиная со второй трети II тыс. до н.э.

Теоретическая значимость. Во-первых, разработка региональной истории на базе достоверных многоаспектных археологических источников позволяет полнее раскрыть общую картину этнокультурного процесса в Северной и Центральной Азии. Во-вторых, памятниковедческий аспект исследования обращает внимание на особую значимость многослойного поселения как информационного объекта, позволяющего считать его опорным в изучении соответствующих эпох в исследуемом регионе, и как уникального историко-культурного памятника, заслуживающего всестороннего изучения и сохранения в реальной природной среде.

Практическая значимость. Поселение Усть-Менза-2 является основным памятником для проведения учебных практик студентов-историков ЗабГУ и организации школьных археологических лагерей; материалы Усть-Мензы-2 используются в вузовских и школьных курсах, в деятельности Музея археологии Забайкалья имени И.И. Кириллова. Усть-Мензинский археологический комплекс неоднократно посещался учёными в рамках полевых экскурсий научных форумов.

Апробация результатов исследования. По материалам диссертации опубликованы 13 работ, в т.ч. 3 статьи в журналах ВАК РФ. Представлена серия докладов на научных конференциях – Чита, 2017, 2020, 2024; Барнаул, 2017; Новосибирск, 2017; Омск, 2018; Благовещенск, 2019; Улан-Удэ, 2019; Самара, 2020; Иркутск, 2020; Санкт-Петербург, 2024.

Объем и структура диссертации. Работа состоит из 2 томов. В томе 1 - текст (219 с.): введение, три главы, заключение, список полевых отчётов (34) и археологических коллекций (31 памятников), список литературы (226 наименований), приложение 1 - 12 статистических таблиц и 17 диаграмм (22 с). В томе 2 – приложение 2 с иллюстративным материалом в виде чертежей и фотографий (224 илл., 203 с.).

Глава 1. Усть-Менза-2 как уникальный объект культурного наследия и опорный археологический памятник

1.1. История исследований. С 1830-х по начало 1950-х годов исследователи, такие как Н.А. Бестужев, П.А. Кропоткин, И.С. Поляков, И.Д. Черский, Н.И. Витковский, А. П. Мостиц, Ю.Д. Талько-Грынцевич, П.С. Михно, А.К. Кузнецов, Г.Ф. Дебец, А.П. Окладников, М.М. Герасимов, Г.П. Сосновский, выявили не менее 50 местонахождений подъёмного материала, составив личные, музейные и лабораторные коллекции и разработав первые культурно-хронологические классификации. Первые стационарные раскопки с изучением культурных слоёв поселений проводились А.П. Окладниковым с середины 1950-х годов в Шилкинской пещере, Ошурково, Титовской сопке, Посольской

и Нижней Берёзовке. В 1960-х годах он же организовал исследование поселений Чиндانت, Арын-Жалга. И.И. Кириллов в 1960-1970-х гг. изучал поселения Громатуха, Доронинск-4, Амогolon, Сухотино-1, 2, 3, 4, Дворцы, Дарасун и др. А.П. Окладников в 1968 г выделил на Санном Мысе 7 культурных слоёв, при этом в слое 6 выявил палеолитическое жилище. В 1970-х годах Чикойской археологической экспедицией Читинского пединститута была сделана ставка на обоснование перспективности «аллювиальной археологии», основанной на изучении отложений до галечника или цоколя. В результате было открыто 25 многослойных памятников с общим количеством более 200 культурных слоёв. Особое внимание уделялось поселению Усть-Менза-2, в отложениях которого представлено 34 культурных слоя, датируемых от верхнего палеолита до бронзы (палеометалл), охватывающих период около 20 тысяч лет. Поселение известно с 1980 г., изучалось более 40 лет. Первые научные обобщения выполнены на материалах начальной стадии раскопок. Они нашли отражение в диссертациях и монографических публикациях Л.В. Сёминой (Екимовой), А.В. Константинова, М.В. Константинова, О.В. Кузнецова, П.В. Мороза, посвящённых жилищам и каменной индустрии эпохи палеолита и культуре эпохи бронзы. Результаты данных исследований в полной мере учитываются в представленной работе. Усть-Менза-2 входит в состав Усть-Мензинского археологического комплекса, представленного 16 памятниками. Памятники с множеством КС выявлены также на других участках Чикоя и Мензы. Особенно информативны Студёное-1 – 38 КС, Студёное-2 – 15 КС, Усть-Менза-1 – 25 КС, Алтан-19 КС, Косая Шивера-1 – 14 КС, Усть-Менза-3 и -6 – по 7 КС. Усть-Менза – 4, 7, 8, 9, 10, Нижняя Еловка-2, Косая Шивера-2, Фомичёво, Читкан и др. – по 3-6 КС. Материалы данных объектов позволяют полнее понять характер культуры эпохи камня и палеометалла и являются важнейшими коррелятами для поселения Усть-Менза-2. Вместе с тем заглавное поселение является стержнем, скрепляющим в единую культурологическую и хронологическую систему археологию палеолита и палеометалла юго-западного Забайкалья.

1.2. Региональная историография. Историография эпохи камня и палеометалла Забайкалья отражена в публикациях А.П. Окладникова (1950, 1955) Н.Н. Дикова (1958), В.Е. Ларичева (1969, 1972), Ю.С. Гришина (1975, 1981), И.И. Кириллова, М.И. Рижского (1973), Л.Г. Ивашиной (1979), А.Д. Цыбиктирова (1998, 2006) и др. исследователей. Как правило, более полно освещаются ранние этапы историографии. На наш взгляд, современный этап региональной историографии начинается с монографии А.П. Окладникова и И.И. Кириллова «Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и бронзы» (1980), включающий в себя раздел «Палеолитические стоянки Хилок-Чикойского бассейна». В ней представлены характеристики поселений Амогolon на Ононе, Санний Мыс и Варварина Гора в бассейне Уды, Толбага на Хилке и Сухотино-1, 2, 3, 4 на Ингоде. Они отнесены к забайкальской палеолитической культуре, являющейся локальным вариантом сибирского палеолита. В эволюции «единой культуры» (с.54) выделяются два этапа. Для раннего этапа допускается «определённая оседлость». В поздний период (сартанский) население «переходит к кочевому образу жизни» (с.57). Эпоха неолита разделяется на три этапа: чиндантский (по памятнику Чиндانت), будуланский (Арын-Жалга), амогolonский (Амогolon, слой 2, Мангут, Малая Кулинда, а также «основной материал стоянки Будулан, раскопанной Ю.С. Гришиным») (с.158). Первый этап – охотничий, на втором и третьем – с сохранением охоты отмечается зарождение и развитие земледелия и скотоводства. В позднем неолите «разрушаются узы первобытного равенства. Переход к патриархальным родовым отношениям сопровождался выделением родоплеменной знати, зарождением рабства...» (с.163). (Окладников, Кириллов, 1980).

В докторской диссертации И.И. Кириллова «Восточное Забайкалье в древности» (Кириллов, 1981) верхний палеолит разделён на толбагинскую и тангинскую культуры,

при этом заключительный этап развития тангинской культуры представляют Ошурково и Нижний Нарым-1 (Студёное-1). (Кириллов, 1981).

По мнению Ю.С. Гришина, анализирующего материалы стоянок и погребений лесостепного Забайкалья, «нельзя уверенно судить об общественном строе обитателей Забайкалья в период неолита и ранней бронзы. Можно лишь допустить, что уже с эпохи бронзы для забайкальских племён становится характерным господство патриархально-родовых отношений» (Гришин, 1981, с.190-191). Ю.С. Гришин оперирует данными о стоянках, разведанных И.И. Кирилловым на Чикое, таких как Фомичёво, Маргинтуй, Нижний Нарым и Читкан (там же, с.106).

Непосредственно древности чикойского региона анализируются в монографии «Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья», изданной к XI конгрессу INQUA, состоявшемуся в 1982 г. в Москве (Базаров, Константинов, Иметхенов, Базарова. Савинова, 1982). Авторский коллектив, включающий геолога, археолога, геоморфолога, географа и палинолога, представил результаты комплексных исследований чикойских памятников, таких как Студёное-1 и 2, Мельничное, Береговое, Фомичёво, Читкан, а также поселений Толбага, Куналей, Кандабаево и Черёмушки на Хилке, Ошурково на Селенге, Санный Мыс и Варварина Гора на Уде. Определён стратотип нижних террас и палеоклиматические характеристики позднего плейстоцена и ранних этапов голоцена, сформирована региональная археологическая периодизация с выделением позднего палеолита, мезолита, неолита и бронзы с подразделением каждого из периодов на этапы с привязкой каждого из них к конкретным геологическим слоям, эпохам и фазам. Опубликованы описания и чертежи жилищ с каменными обкладками и очагами из аллювиальных позднеплейстоценовых отложений, сведения о возникновении рыболовства, появлении керамики, следах использования металла, проявляющиеся в соответствующих слоях многослойных поселений. В монографию вошли материалы и выводы, изложенные в кандидатской диссертации М.В. Константинова «Палеолит Хилка и Чикоя (юго-западное Забайкалье)» (1979).

В 20-томной «Археологии СССР» изложены итоги исследований в Забайкалье.

В 1984 г. в томе «Палеолит СССР» З.А. Абрамовой представлена серия забайкальских поселений, таких как Санный Мыс, Толбага, Сухотино-4, Куналей, Ошурково, Студёное-1 с анализом каменной индустрии, жилищ и фауны (Абрамова, 1984, с. 317-324). В сибирском отделе книги «Палеолит Кавказа и Северной Азии» З.А. Абрамова более развёрнуто характеризовала забайкальский палеолит на примере тех же памятников (Абрамова, 1989, с. 210-223).

В 1989 г в томе «Мезолит СССР» Л.В. Кольцовым и Г.И. Медведевым изложены, со ссылкой на М.В. Константинова, результаты раскопок поселения Студёное-1, где были выделены мезолитические слои (10 - 13/2) с остатками жилищ, углистыми пятнами, стержнями от рыболовных крючков, костями рыб, а также костями косули, благородного оленя, лося, дзерена (Кольцов, Медведев, 1989, с. 184-185).

В 1996 г. в томе «Неолит СССР» выделен раздел «Неолит Забайкалья» под авторством Л.П. Хлобыстина и М.В. Константинова. С учётом времени представления рукописей (1975 г.) в разделе отражены, в основном, результаты исследований 1960-х - первой половины 1970-х годов, построенных на материалах раскопок на Ингоде, Ононе, Селенге и Шилке. Из чикойских памятников упомянуто Студёное-1 (Хлобыстин, Константинов, 1996, с. 306-310).

В 1987 г в томе «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» в разделе «Бронзовый век Восточной Сибири» под авторством Л.П. Хлобыстина и С.В. Студзицкой выделены два периода: ранняя и поздняя бронза, определяемые, соответственно, II и I тыс. до н.э. Характеристика ранней бронзы дана по глазковской культуре Прибайкалья, охватывающей также частично Забайкалье, в т.ч. Селенгу, Уду и Сосново-Еравненские озёра, а также ымыяхтахской культуре Якутии, доронинской культуре Восточного Забайкалья. Поздняя бронза освещена как шиверский этап в Прибайкалье и как культура

особой этнической группы в Забайкалье и на Верхней Лене, характеризующаяся погребениями в сидячем положении (Хлобыстин, Студзицкая, 1987, с. 327-350). Представлены ссылки на труды исследователей данных культур (Окладников, 1950, 1955, Ивашина, 1979, Кириллов, Рижский, 1973). К этому следует добавить Усть-Мильскую культуру Якутии, датируемую 14-2 вв. до н.э. (Федосеева, 1974). Таёжная бронза юго-западного Забайкалья в книге не освещается.

Археологические памятники юго-западного Забайкалья целенаправленно анализировались сотрудниками Чикойской археологической экспедиции, что нашло отражение в диссертациях и монографиях.

Естественно-научная тема получила развитие в кандидатской диссертации Л.Д. Базаровой «Палеогеографические реконструкции эпохи пребывания первобытного человека в юго-западном Забайкалье (по материалам исследования археологических памятников)». В числе опорных разрезов – поселения Студёное-1, Усть-Менза-1 и Усть-Менза-2. На последнем из указанных памятников на то время было известно 10 культурных слоёв (Базарова, 1985). В монографии Д.Б. Базарова «Кайнозой Прибайкалья и Западного Забайкалья нашли отражения результаты изучения разрезов археологических памятников Хилка и Чикоя (Базаров, 1986).

Л.В. Сёмина (Екимова) в 1986 г. в рамках диссертационного исследования «Эпоха неолита и палеометалла юго-западного Забайкалья» анализировала памятники Усть-Менза-1, 3, Студёное-1, Алтан, Кристинкина и Егоркина пещеры. Л.В. Сёмина опиралась также на верхние слои Усть-Мензы-2 по результатам раскопок 1982-1985 гг. с площади 240 кв.м. В диссертации, а затем в монографии Л.В. Сёмина уделила значительное внимание классификации керамики, технологии формовки, характеру орнаментации и развитию керамики от раннего неолита к поздней бронзе. (Сёмина, 1986, Константинов, Екимова, Верещагин, 2016).

В 1992 и 2003 гг. А.В. Константинов, соответственно в кандидатской и докторской диссертациях, представил характеристику жилищ чикойских поселений Студёное-1, 2, Усть-Мензы-1, 2, 3, Косой Шиверы-1, 2, поселений других районов Забайкалья (Толбаги, Варвариной горы, Санного Мыса, Каменки и др.) (Константинов А., 1992, 2003). Им опубликована монография «Древние жилища Забайкалья (Палеолит, мезолит)» (Константинов А., 2001), где раскрыты принципы выделения и описания одно- и многоочажных жилищ, строительная техника и архитектурная форма, сохранность жилищ и их реконструкция на основе этнографических аналогий и экспериментальных работ. Одна из глав исследования посвящена древним жилищам Сибири в свете забайкальских исследований. В монографии анализируются планиграфические сюжеты из культурных слоёв 17, 20-22 поселения Усть-Менза-2.

В 1994 г. М.В. Константинов опубликовал монографию «Каменный век восточного региона Байкальской Азии», в которой оперировал материалами Усть-Мензы-2 в рамках палеолитических корреляций и создания обобщённой историко-природной хронологической схемы, построенной на соотношении геологической и археологической стратиграфии (Константинов М., 1994). В 1995 г. им защищена докторская диссертация по указанной теме (Константинов М., 1995). Исследователь выделил ранний, средний и поздний этапы в верхнем палеолите, мезолите и неолите.

В 1996 г. О.В. Кузнецов защитил диссертацию по теме «Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья (технологический, типологический и функциональный анализ)». В диссертации анализируется каменная индустрия палеолитических слоёв поселений Студёное-1, Усть-Менза-1, 2, 3, Косой Шиверы-1. Исследователь использовал методы экспериментального моделирования, функционального анализа, изучал системы организации культурного слоя и внутреннего пространства жилых комплексов. Он оперировал материалами начального раскопа Усть-Мензы-2. По приведённой исследователем статистики коллекция состояла из 3448 артефактов, из них 91,8% относились к ошепам и чешуйкам. Орудия труда оформлялись, в основном, из отщепов и

микропластин, реже из галек и пластин. Согласно функциональным определениям, большинство орудий связано с обработкой продуктов охоты, кости, рога и дерева (Кузнецов, 1996). В дальнейшем О.В. Кузнецов изучал на забайкальском севере этнографические жилища эвенков и сравнивал их с палеолитическими жилищами, выявленными на памятниках Чикоя (Кузнецов, 2003, 2006).

П.В. Мороз защитил диссертацию, а затем опубликовал одноимённую монографию по теме «Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района)». В ней анализировались палеолитические каменные индустрии с опорой на трасологические и петрографические методы в соотношении с минерально-сырьевой базой района исследования. Из материалов поселения Усть-Менза-2 (раскоп 1-2, КС 7, 10, 12, 13, 17, 19-24) автор изучил 67 артефактов. Из них на 43 изделиях выявлены следы использования. Эти изделия имеют небольшие размеры и изготовлены преимущественно из принесённых празёма, халцедона, кремня и яшмы. Крупные орудия оформлялись из микросланца, микрокварцита и роговика, происходящего из местного галечника, почти не сохраняющего микроследы от работы (Мороз, 2008, 2014, Юргенсон, Мороз, 2007).

Планиграфические разработки по палеолитическим жилищам поселений Студёное-1 и 2 выполнены И.И. Разгильдеевой в диссертации «Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное Забайкалье)» и монографии «Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья» (Разгильдеева, 2002, 2018).

Памятники археологии таёжного Чикоя нашли отражение в научно-справочном издании «Малая энциклопедия Забайкалья: Археология», опубликованном значительным тиражом издательством «Наука» (Новосибирск, 2011). Алфавитную часть с понятийными статьями, а также статьями, посвящёнными персоналиям, предваряет очерк «Историческое наследие в археологических открытиях и эпохах» (Константинов М., Константинов А., 2011).

В первом томе 3-томной «Истории Бурятии» (2011) в порядке корреляции анализируются поселения Толбага, Студёное-1 и 2, Усть-Менза-1, погребения Усть-Менза-5 и Мельничное. Авторы материалов соглашаются с правомерностью выделения толбагинской и куналейской культур раннего этапа верхнего палеолита, основными характеристиками эпох мезолита, неолита и таёжной бронзы. Палеолитические материалы с Хилка и Чикоя фигурируют также в монографиях Л.В. Лбовой и В.И. Ташака, построенных на материалах памятников Бурятии (Лбова, 2000; Ташак, 2005, 2016). В монографии Л.В. Лбовой, Е.Д. Жамбалтаровой, В.П. Конева, посвящённой погребальным комплексам неолита-ранней бронзы Забайкалья, приводится характеристика погребений Усть-Мензы-2, 5, Жиндо, Токуй, Мельничное. В монографии А.Д. Цыбиктарова выделяется восточная лесная культурная область Центральной Азии, определяемая как хэнтэйская культура. Её основными памятниками являются Студёное-1, Нижняя Еловка, Усть-Менза-1, 2, 3, Алтан, Кристинкина пещера, Шаман-гора (Цыбиктаров, 2006).

В новейшей «Истории Сибири» (2022), представлены объекты среднего палеолита Чикоя – Усть-Менза-5, Коврижка и Приисковое (с. 87-88). К наиболее ранней верхнепалеолитической стадии отнесены памятники р. Хилок - Толбага и, предположительно, Мастерова Гора (с. 122-123). Из памятников средней поры верхнего палеолита Чикоя отмечено Мельничное (с. 142), а также представлено в описании и фотографии жилище из культурного слоя 6 поселения Саньный Мыс на Уде (с. 141, 144). Поздняя стадия верхнего палеолита освещена по многослойным поселениям Студёное-1, 2 и Усть-Менза-1, 2, в том числе приведены данные об одно- и многоочажных жилищах с каменными обкладками (с. 163-165) и орнаментированном жезле (с. 179-180). В разделе «Переходный период от палеолита к неолиту в Сибири» вновь приводятся сведения о Студёном-1 и Усть-Мензе-1 с характеристикой соответствующих культурных слоёв (с.

200-201). Непосредственный исследователь указанных памятников М.В. Константинов определяет данное время как мезолит (Константинов, 1994). Неолит юго-западного Забайкалья (с. 220-221, 288-290) с подразделением на три этапа характеризуется по тем же многослойным поселениям (согласно исследованиям Л.В. Сёминой, 1986). Определяется, что в неолите, также как в «переходный период», основными занятиями были охота и рыболовство (с. 349). В отношении юго-восточного Забайкалья подчёркивается, что изложенная А.П. Окладниковым и И.И. Кирилловым идея о зарождении производящей экономики в развитом неолите прямых свидетельств не имеет и может рассматриваться как гипотеза (382). Таёжная бронза юго-западного Забайкалья характеризуется как хэнтэйская культура, выделенная А.Д. Цыбиктаровым на материалах памятников, исследованных М.В. Константиновым и Л.В.Сёминой (Екимовой). К обозначенным выше памятникам, но уже к их верхним культурным слоям, дополняется Алтан и несколько погребений. Выделяются два этапа – ранний и поздний, позволяющие зафиксировать определённое развитие в материальной культуре и хозяйстве, но при сохранении традиционного уклада жизни, тогда как в степных районах происходят существенные изменения в рамках культуры плиточных могил с её кочевым скотоводством и развитым бронзолитейным производством (с. 501-503).

В целом, освещение древних этапов истории Забайкалья и его юго-западной части представлено авторами академических трудов с вниманием к выводам и системе доказательств непосредственных исследователей региональных территорий.

Отметим, что применительно к поселению Усть-Менза-2 все ранее выполненные исследования основаны на результатах действий, связанных с раскопом 1-2, при этом материалы этого раскопа использованы не в полном объёме, поскольку его постепенно расширяли и углубляли. Так, например, культурные слои эпохи бронзы представлены материалами с площади 240 кв.м., а культурные слои палеолита анализировались выборочно в соответствии с обозначенными темами. В обобщающих трудах, таких как «Археология СССР», «История Сибири», «История Бурятии», чаще всего, Усть-Менза-2 только упоминается. Результаты предшествующих исследований и теоретических оценок по всем направлениям в полной мере учитываются в представленной работе.

1.3. Стратегия исследований. Поскольку диссертация носит памятниковедческий характер, необходимо остановиться на процессе и логике организации раскопок на Усть-Мензе-2. Пробный шурф глубиной 1,5 м на поверхности 10-метровой террасы показал наличие серии культурных слоёв. Затем был размечен раскоп, достигший после прирезок 504 кв.м. В итоге он получил обозначение 1-2. Галечник обнаружен на глубине 9,57 см. Под стенками раскопа потребовалось оставлять ступени, в связи с чем раскоп приобрёл форму перевёрнутой пирамиды. По мере углубления раскопа, изученные площади последовательно сокращались последовательно до 410, 368, 224, 145, 113, 76, 47, 20 кв.м. Всего выявлен 31 культурный слой (КС). Поскольку некоторые КС были открыты после создания общей нумерации, то они получили дополнительные цифровые или буквенные обозначения. Новые раскопы, обозначенные как 2А и 2Б, стали продолжением раскопа 1-2. Они увеличили применительно к КС 1-6 изученную площадь поселения на 330 кв.м., что позволило открыть ещё три КС, полнее понять характер взаимоотношения аллювия и покровных отложений, раскрыть информативные планиграфические системы верхнего палеолита и редкие по назначению культурные элементы эпохи бронзы. Новые раскопы соединили в единое исследовательское поле поселение Усть-Менза-2 и поселение Усть-Менза-1, расположенное на более низком террасовом уровне, что дало возможность разобраться в соотношении террас и границах обоих памятников. Для раскопа 3 площадью 372 кв.м. был выбран расширенный и выположенный участок террасы. Установлено, что в аллювиальных отложениях палеолитические находки единичны, что определяет пределы обитания на этой террасе в плейстоцене и голоцене. Общая площадь, на которой велись раскопки, равняется 1206 кв.м. и составляет не более 25% от предполагаемой площади

всего памятника. К позитивным особенностям Усть-Мензы-2 относится строгая расчленённость культурных слоёв, возможность определения поверхностей обитания, наличие и сохранность жилищно-хозяйственных структур, сопровождаемых разнообразным предметным материалом. Последовательное залегание многочисленных культурных слоёв в единой толще отложений создаёт условия для безошибочной относительной хронологии и служит основой для проверки абсолютной хронологии. Существенные достоинства Усть-Мензы-2 позволяют признать его опорным памятником археологии юго-западного Забайкалья. В исследованиях участвовали геологи, геоморфологи, палеонтологи, радиоуглеродчики, палинологи, палеопочвоведы.

1.4. Геоморфология, геоархеология, геохронология. Усть-Мензинское урочище находится в центре горной таёжной территории с абсолютными отметками 730-750 м. В геоморфологическом отношении урочище представляет собой систему террас, с которой связаны археологические объекты. Их изучение позволяет определить стратотипы террас и строение террасового ряда. Представление о них формировалось с учётом полевых консультаций геологов Д.Б. Базарова, Л.Д. Базаровой, И.Н. Резанова, А.Б. Иметхенова, С.М. Цейтлина, А.Ф. Ямских, Ю.В. Рыжова и др. Одним из определяющих моментов является заключение о том, что Усть-Менза-2 связано со II надпойменной террасой. Согласно сибирской геоархеологической схеме (Кинд, 1974, Цейтлин, 1979), подтверждённой забайкальскими исследованиями (Базаров, 1976, Базаров и др, 1982, Карасёв, 2002), основание II террасы представляет мощный плотный галечник (ЛС 12), сформировавшийся в поздний (липовско-новосёловский) период каргинской межледниковой эпохи (30,0-25,0 тыс. л.н.). Перекрывающие его заглиненные пески (ЛС 11) отражают строение притыловой террасовой западины, нередко заполняемой водой и соответствующими отложениями. Этот слой приходится на начальный период сартанского оледенения (25,0-20,0 тыс. л.н.). Выше по разрезу залегает аллювий, аккумулярованный рекой Мензой во время подъёма воды в латеральной зоне, т.е. вне струевого потока. Аллювиальные отложения (ЛС 6 – 10) сохраняют следы длительного большого холода и насыщенности водного потока песчаной массой (20- 12,8 тыс. л.н.). В них включены культурные слои 4/3 – 27, связанные с тонкими илистыми или глинистыми прослойками, сформировавшимися в аквальной стадии и, после осушения и уплотнения, ставшие пригодными для обитания. В геологическом плане это эпоха наиболее холодных стадий перегляциальной зоны сартанского оледенения с безлесыми горными склонами, мёрзлыми грунтами, поставляющими в реки при летнем оттаивании массу песчано-глинистого материала. Кровлей аллювия является отчётливый слой делювиального характера (ЛС 5), демонстрирующий ритмику позднесартанских потеплений и похолоданий: кокоревский, тёплый (12,8 – 12,0 тыс. л.н.; КС 4/2); безыманный, холодный (12,0-11,8 тыс. л.н.; КС 4); таймырский, тёплый (11,8 – 10,8 тыс. л.н.). Мощность слоя не более 25 см. Сами по себе прослойки устойчивые, ленточные, по мехсоставу супесчаные (верхняя и нижняя) и песчаная (средняя); по мощности, примерно, схожие. В «тёплых» прослойках наблюдаются мелкие пятна и линзы более тёмного цвета, отражающими педоседименты. Вероятно, обесцвечивание «тёплых» прослоек с потерей гумусного элемента связано с влиянием сильного холода, отражённого в вышележащем слое (ЛС 4), который сформировался в холодный норильский период, обозначенный в подошве устьями мерзлотных клиньев, увязанных между собой в полигональную сеть (10,8-10,3 тыс. л.н.; КС 3). Отметим, что позднесартанский педокомплекс впервые в Забайкалье выявлен на Усть-Мензе-2 в 1989 г. Сложность его выделения состоит в бледной цветовой гамме и не улавливаемом аналитически гумусовом веществе. Голоценовый разрез отложений Усть-Мензы-2 менее представительный, чем плейстоценовый, тем не менее содержащий основные стратиграфические подразделения, раскрывающие изменения климата и ландшафта. Норильский слой перекрывается слоем песка бореального времени уже не несущего следы большого холода в виде карбонатизации и клиньев. На отдельных участках выше

этого слоя сохранились линзы и прослои чёрной почвы; по характеру и позиции они могут быть определены как седименты атлантической почвы (ЛС 3). В этом слое находок не обнаружено. Ещё выше по разрезу располагается слой супеси без следов прямого почвообразования, но испытывающий геохимическое влияние чёрной почвенной кровли, за счёт чего он приобретает яркий каштановый цвет. Почвоведы определяют его как слой В. Этот слой соответствует суббореальному времени, а слой почвы – субатлантическому времени. Применительно к Северной Азии хронология голоценовых периодов следующая: бореал (10,3-8,0 тыс. л.н.), атлантика (8,0-4,0 тыс. л.н.), суббореал (4,0- 2,8 тыс. л.н.), субатлантика (2,8-2,0 тыс. л.н.) (Хотинский, 1977). Пробы на палинологию и фитологию неоднократно отбирались из разреза отложений Усть-Мензы-2. По заключению А.А. Гольевой (Ин-т географии РАН) в пробах из «культурной» части разреза единично встречаются кутикулярные слепки трав и деформированные пыльцевые зёрна; нет морфологически чётких и диагностируемых фитоцитов, присутствуют крупные неправильные пластинчатые формы разного размера. Напротив, в ЛС 11 (нижний «стерильный» слой, перекрывающий галечник) выявлено огромное количество панцирей диатомовых водорослей и немного спикул губок; они идеальной сохранности, т.е. не переотложены. Это подтверждает, что ЛС 11 возможно определить, как озёрно-старичный сапропель или аллювий с небольшим течением. В этом же слое выявлены единичные фитоциты, такие как мох, хвойные, луговые травы, то, что росло по берегам реки и было принесено сточными водами. По результатам палинологических анализов сартанских аллювиальных отложений поселения Студёное-2 (также связанного со II террасой), выполненных В.В. Савиновой, «получен споро-пыльцевой спектр, указывающий на распространение лесостепных группировок с берёзовыми колками, ольховником и ивой в понижениях» (Базаров и др., 1982, с. 68). В культурных слоях на поселении Усть-Менза-2 выявлены палеонтологические материалы, изученные Н.Д. Оводовым и А.М. Клементьевым. В палеолитических слоях определены останки бизона (*Bison priscus*), быка (*Bovinae gen*), сибирского горного козла (*Capra sibirika*), горного барана (*Ovis ammon*), лошади (*Equus sp.*), благородного оленя (*Cervus elaphus*), лося (*Alces alces*), косули (*Capreolus capreolus*). По предварительному определению А.М. Клементьева в КС 20 найден обломок верхней части плюсневой кости редкой формы антилопы – оронго (*Pantholophs odsoni*), близкой к сайгаку. По составу фауна устойчива на протяжении всего сартана, что для всего Забайкалья неоднократно отмечалось ведущими исследователями (Вангенгейм, 1977, Ермолова, 1977, 1978, Константинов М., Оводов, Карасёв, 1985). Состав фауны позднелайстоценовый с включением североазиатских и центральноазиатских видов. Оскудение и изменение фауны происходит в финальной фазе лайстоцена. Так, в КС 3 на Усть-Мензе-2 (норильское время) найдены только кости косули, хотя и здесь представительство фауны в то время было более полное. В КС 1 и 2 (поздний голоцен) найдены кости косули, благородного оленя, что также не соответствует, судя по современной ситуации, разнообразию голоценовой фауны. По данным Д.Б. Базарова, в сартанскую эпоху в Забайкалье преобладали перегляциальные ландшафты типа холодной степи; склоны хребтов южной экспозиции были остепнены, а для северных склонов характерна лесостепь; происходило развитие многолетней мерзлоты, преобладал сухой холодный климат с незначительным потеплением в период поздних интерстадиалов; в целом, климат был аридным и резко континентальным (Базаров и др., 1982, с. 124-125, Базаров, 1986, с. 119-120). В голоцене происходят существенные изменения природных условий. Первая волна потепления приходится на бореальное время. Потепление со значительным увеличением водности рек и массовым распространением лесных древесных форм (прежде всего сосны, лиственницы и березы) в сочетании со степными участками наступает в атлантическое время, обозначенное формированием чёрных почв. Верхние два литологических слоя, относящихся к суббореальному и субатлантическому времени (ЛС 1 и 2; соответственно КС 1 и 2), характеризуются дальнейшим распространением лесов, усилением аридности

и некоторым снижением плюсовых температур в сравнении с атлантическим временем (Базаров и др., 1982, Базарова, 1985, Решетова, 2017). Такая оценка природных условий голоцена на Чикое вполне соответствует характеристике голоцена Северной Евразии (Хотинский, 1977). Для некоторых палеолитических культурных слоёв получены радиоуглеродные даты, адекватные геологической позиции и археологическому наполнению, соотносимые друг с другом в вертикальной хронологической колонке: КС 11 – 14830 ± 390 (ГИН – 6116); КС 17 – 15400 ± 400 (ГИН – 5478); 16900 ± 500 (ГИН – 6117); КС 20 – 16980 ± 150 (ГИН – 5465); КС 21 – 17190 ± 120 (ГИН – 5464); 17600 ± 250 (ГИН – 6119). Для КС не обеспеченных датами по C^{14} возможно применить ориентировочные (расчётные) даты с ритмикой в 50 – 500 лет (в среднем 250 лет) в зависимости от позиции в конкретных литологических слоях. Корреляция с забайкальскими памятниками археологии, такими как Ошурково, Сухотино-4, Студёное-2, связанными с отложениями II террасы и обеспеченными радиоуглеродными датами, подтверждает правомерность определения возраста палеолитических слоёв Усть-Мензы-2. Ряд дат по C^{14} получены для голоценовых слоёв древних поселений, т.к. Усть-Менза-1, КС 1, 2; Студёное-1, КС 1А; Алтан, КС 2, 4. Они позволяют их отнести к суббореалу и субатлантике и соотнести их возраст с голоценовыми слоями Усть-Мензы-2. С учётом геологической позиции, характера археологического материала и радиоуглеродных датировок установлена периодизация культурных отложений (в тыс. л.н): КС 1 – поздняя бронза (2,8-2,0); КС 2 – ранняя бронза (3,8-2,8); КС 3 – финальный палеолит (10,8-10,3); КС 4 – 24 – поздняя пора верхнего палеолита (18,0-10,8), КС 25-27 – поздняя стадия средней поры верхнего палеолита (20,0-18,0). В целом, археологический объект Усть-Менза-2 с его 34 культурными слоями относится к категории поселений с высокой степенью культурной многослойности и точностью определения возраста культурных слоёв. В Сибири есть только два памятника с превышающим числом культурных слоёв. Это поселение Студёное-1 с 38 культурными слоями, расположенное на Чикое (Константинов М., Константинов А., Екимова, Разгильдеева, 2011) и поселение Белькачи в Якутии с таким же числом слоёв (Мочанов, 1969). В сравнении с этими уникальными памятниками Усть-Менза-2 имеет существенную особенность, поскольку охватывает более продолжительный промежуток времени – с превышением на 8-12 тысяч лет. Важное отличие Усть-Мензы-2 от указанных «многослоек» состоит в том, что она связана со II террасой, тогда как Усть-Менза-1 – с I террасой, а Белькачи – с высокой поймой.

Глава 2. Усть-Менза-2: эпоха верхнего палеолита

2.1. Принципы и система описания. На поселении Усть-Менза-2 выявлено 32 палеолитических слоя: 3, 4, 4/2, 4/3, 4/4, 5, 6, 7, 8, 9А, 9Б, 9В, 9Г, 10А, 10Б, 11-27. Они приходятся на хронологический период от 20 до 10,3 тыс. л.н. КС 3, 4, 4/2 связаны с делювиальными отложениями. КС 4/3 – 27 – с аллювиальными отложениями. Во многих слоях (3, 4, 4/2, 5, 6, 17, 20, 21) выявлены сложные планиграфические сочетания (картины, сюжеты), созданные из многочисленных речных камней (валунов), принесённых человеком с берега реки В культурных слоях валуны располагаются в один ярус и не перекрывают друг друга, позволяя точно определить поверхность обитания. Насыщенность КС различными элементами определяет важность планиграфического анализа. Для систематизации и классификации используется понятие «структура», что согласно словарям русского языка, означает «строение» (Ожегов, 1968, с. 765, Даль, т. 4, 1998, с. 343). Структуры возможно разделить на следующие типы: кольцевые и полукольцевые кладки, образующие основания жилищ с внешней обкладкой и очагом или очагами во внутреннем пространстве; каменные линейные выкладки длиной от 3 до 14 м, которые могли служить основами заплотов для защиты от ветра и ливневых потоков с водой и песком, а также основами жердевых сооружений для просушки жилищных покрытий, шкур и одежды; группировки камней в виде полос с бессистемным расположением, представляющие складские запасы камня; очаги, расположенные

изолировано; кострища и зольные пятна (зольники). Со структурами связано большинство артефактов и экофактов. Незначительная часть предметного материала находится вне структур. Структуры подвергались определённой природной и антропогенной деструкции. В некоторых палеолитических слоях (4/3, 4/4, 7-16, 18, 19, 23-27) представлены планиграфические ситуации, в которых нет бесспорных и сложных структур в виде оснований сооружений, но присутствуют такие элементы как очаги, кострища, сажистые или золистые пятна, артефакты и экофакты. Они определены как жилые площадки.

2.2. Культурные слои 3-27. Представлена последовательная развёрнутая характеристика (сверху вниз) всех палеолитических слоёв (КС), при этом указываются геологическая и пространственная позиция каждого слоя, его изученность, культурное содержание в виде структур, артефактов и экофактов, а также возраст, определённый с учётом всех данных. В тексте и статистических таблицах приводятся количественные данные по артефактам, распределённые по типам, раскопам, слоям, структурам. Ниже приводится формализованный вариант описания. Указан радиоуглеродный или расчётный возраст. Геологические периоды являются подразделениями сартанского оледенения. Запись по типу 1206/579 кв.м означает: числитель – площадь раскопок, знаменатель – площадь с культурными проявлениями. Приведены данные о структурах, артефактах и экофактах (костные останки) и определённых по видам животных.

КС 3. ЛС 4, делювий, норильский период, финальный палеолит; 10800 л.н.; 1206/579 кв.м. Семь структур, из них ст. 5 и 6 являются кольцевыми, но без очагов; ст. 1-4, 7 – линейные, длина 5,0-9,5 м. 735 артефактов, 7 экофактов. Косуля.

КС 4. ЛС 5, делювий, криохрон в кокоревско-таймырском потеплении, поздняя пора верхнего палеолита, 12000 л.н.; 834/674 кв.м. Десять структур, из них ст. 6 – жилище с очагом и тамбуром, ст. 5, 8, 9 – три жилища с очагом в каждом, ст. 3 и 10 – два трёхочажных жилища, ст. 1 – жилая площадка с 3 сближенными очагами, ст. 2 – линейная, длина 4,1 м. 800 артефактов, 22 экофакта. Лось, горный баран, лошадь, благородный олень, бык.

КС 4/2. ЛС 5, кокоревский термохрон, поздняя пора верхнего палеолита; 12800 л.н.; 834/144 кв.м. Четыре структуры, из них ст. 3 и 4 – жилища с очагами, ст. 2 – жилая площадка с зоной расщепления камня, ст. 1 – линейная, длина 5,1 м. 527 артефактов, 3 экофакта. Сибирский горный козёл, козёл (?), горный баран.

КС 4/3. ЛС 6, финал гыданьской стадии, поздняя пора верхнего палеолита, 12950 л.н.; 834/6 кв. м. Жилая площадка с очагом и 2 артефактами.

КС 4/4. ЛС 6, финал гыданьской стадии, поздняя пора верхнего палеолита, 13000 л.н.; 834/9 кв. м. Жилая площадка с кострищем и 1 артефактом.

КС 5. ЛС 6, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 13200 л.н.; 834/663 кв.м. Девять структур, из них ст. 5 – жилище с очагом, ст. 2, 4, 7 – разрушенные жилища с очагом, ст. 1 и 9 – линейные, длина 6,2 и 13 м. 979 артефактов, 6 экофактов. Сибирский горный козёл, козёл, горный баран.

КС 6. ЛС 6, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 13400 л.н.; 834/290 кв.м. Три структуры, из них, ст. 1 – линейная, длина 6,2 м, ст. 2, 3 – жилые площадки с очагом и кострищем. 459 артефактов, 10 экофактов. Горный баран.

КС 7. ЛС 6, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 13600; 410/12 кв. м. Две структуры – жилые площадки, при этом ст. 1 – с кострищем, ст. 2 – рассеянные находки. 2 артефакта, 34 экофакта. Сибирский горный козёл, козёл.

КС 8. ЛС 6, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 13800 л.н.; 410/208 кв.м. Две структуры – жилые площадки с золистыми пятнами. 270 артефактов, 53 экофакта. Благородный олень, бык.

КС 9А. ЛС 6, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 14300 л.н.; 410/19 кв.м. Жилая площадки с золистыми пятнами. 21 артефакт, 28 экофактов. Копытные, пищуха.

КС 9Б. ЛС 6, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 14350 л.н.; 410/17 кв.м. Жилая площадки с находками. 28 артефактов, 7 экофактов. Козёл.

КС 9В. ЛС 6, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 14400 л.н.; 368/9 кв.м. Жилая площадки с находками. 28 артефактов, 7 экофактов.

КС 9Г. ЛС 6, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 14450 л.н.; 368/9 кв.м. Жилая площадки с находками. 8 артефактов, 2 экофакта.

КС 10А. ЛС 6, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 14650 л.н.; 368/120 кв.м. Жилая площадки с находками. 159 артефактов, 25 экофактов. Лисица, горный баран, козёл, бык, суслик.

КС 10Б. ЛС 6, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 14750 л.н.; 368/12 кв.м. Жилая площадки с находками. 159 артефактов, 25 экофактов.

КС 11. ЛС 7, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, р/у 14830 л.н.; 368/12 кв.м. Жилая площадки с находками. 56 артефактов, 20 экофактов.

КС 12. ЛС 7, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 14900 л.н.; 145/12 кв.м. Жилая площадки с находками. 61 артефакт, 3 экофакта.

КС 13. ЛС 7, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 15200 л.н.; 145/20 кв.м. Жилая площадки с находками. 35 артефактов, 19 экофактов. Сибирский горный козёл.

КС 14. ЛС 8, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 15250 л.н.; 113/16 кв.м. Жилая площадки с находками. 21 артефакт, 6 экофактов. Горный баран, лошадь.

КС 15. ЛС 8, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 15300 л.н.; 113/12 кв.м. Жилая площадки с находками. 4 артефакта, 3 экофакта.

КС 16. ЛС 8, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 15350 л.н.; 113/8 кв.м. Жилая площадки с находками. 19 артефактов, 14 экофактов.

КС 17. ЛС 9, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, р/у 15400 л.н.; 113/30 кв.м. Две структуры, при этом ст. 1 - жилая площадка с углистым пятном, ст. 2 - жилище с очагом. 180 артефактов, 316 экофактов. Горный баран, бизон, козёл.

КС 18. ЛС 9, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 15900 л.н.; 113/37 кв.м. Две ст., при этом ст. 1 - жилая площадка с углистым пятном, ст. 2 - жилище с очагом. 2 артефакта, 20 экофактов. Горный баран.

КС 19. ЛС 9, гыданьская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 16950 л.н.; 113/30 кв.м. Две структуры, при этом ст. 1 - жилая площадка с углистым пятном, ст. 2 - жилище с очагом. 53 артефакта, 95 экофактов. Крупное копытное.

КС 20. ЛС 9, ньяпанская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, р/у 16980 л.н.; 113/108 кв.м. Две структуры в виде трёхочажных жилищ. 203 артефакта, 112 экофактов. Горный баран, бык, козёл, птица, сурок-тарбаган, оронго?

КС 21. ЛС 9, ньяпанская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, р/у 17190 л.н.; 76/67 кв.м. Структура в виде жилища с очагом. 4 артефакта, 56 экофактов. Благородный олень, бык, козёл.

КС 22. ЛС 9, ньяпанская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 17500 л.н.; 76/62 кв.м. Структура в виде многоочажного (?) жилища. 4 артефакта, 56 экофактов. Бык, горный баран.

КС 23. ЛС 9, ньяпанская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 17800 л.н.; 76/18 кв.м. Жилая площадка с запасом строительных камней. 4 артефакта, 56 экофактов. Бык.

КС 24. ЛС 10, ньяпанская стадия, поздняя пора верхнего палеолита, 18000 л.н.; 76/37 кв.м. Две структуры в виде жилых площадок, при этом ст.1 - с кострищем, ст. 2 - с рассеянными находками и камнями. 4 артефакта, 56 экофактов. Сибирский горный козёл, козёл.

КС 25. ЛС 10, ньяпанская стадия, поздняя пора среднего периода верхнего палеолита, 18500 л.н.; 47/15 кв.м. Жилая площадка с находками. 66 артефактов, 149 экофактов. Сибирский горный козёл, козёл.

КС 26. ЛС 10, ньяпанская стадия, поздняя пора среднего периода верхнего палеолита, 19000 л.н.; 26/12 кв.м. Жилая площадка с находками. 66 артефактов, 149 экофактов. Сибирский горный козёл.

КС 27. ЛС 10, ньяпанская стадия, поздняя пора среднего периода верхнего палеолита, 20000 л.н.; 20/5 кв.м. Жилая площадка с находками. 3 артефакта, 3 экофакта.

2.3. Жилища и поселения. Исследование палеолитических жилищ является одним из основных направлений в забайкальской археологии. Жилища открыты на поселениях Толбага, Куналей, Студеное-1, 2, Читкан, Косая Шивера-1, 2, Усть-Менза-1, 2, 3, 4, Сухотино-4. Их характеристика, а также принципы и методы изучения отражены в монографиях и диссертациях (Окладников, Кириллов, 1980, Базаров и др., 1982, Константинов М., 1994, Константинов А., 2001, Филатов, 2016, Разгильдеева, 2018). Особо отметим, что материалы поселения Усть-Менза-2 из культурных слоёв 17, 20, 22 анализировались А.В. Константиновым (Константинов А.В., 2001).

Всего на Усть-Мензе-2 выявлено 13 одноочажных жилищ с внешними обкладками из речных валунов с артефактами и экофактами во внутреннем пространстве. Такие жилища изучены в КС 4 (ст. 5, 6, 8, 9), КС 4/2 (ст. 3, 4), КС 5 (ст. 2, 4, 5, 7) КС 9Б (ст. 1), КС 17 (ст. 2), КС 21 (ст. 1). Основания жилищ округлые. Их диаметр варьирует, приближаясь к 5 м. Все жилища наземные. Во внешней обкладке используется от 22 до 37 камней. При этом характер кладки дискретный, с размещением камней точечно или группами по 2-4 камня. Наиболее полно сохранилось жилище в КС 4, ст. 6, имеющее внешний тамбур и внутреннюю рабочую площадку с наковальнями.

Второй тип жилища – трёхочажный. Он представлен 4 структурами (КС 4, ст. 3 и 10; КС 20, ст. 1, 2). Очаги вытянуты в одну линию; расстояние между ними 1,0-2,5 м. Золистая плёнка затягивает пространство вокруг очагов. Форма овальная. Внешняя обкладка жилищ дискретная, состоящая из большого количества камней – от 65 до 230. Кладки деформированы. Длина жилищ до 11 м, ширина 4-5 м.

Верхняя конструкция жилищ не сохраняется, но она реконструируется, поскольку замкнутое пространство на плоскости, включающая в себя очаг, предполагает наземный объём. Об устройстве традиционных жилищ свидетельствуют данные сибирской этнографии (Василевич, 1969, Туголуков, 1969, Кузнецов, 1996, 2003 а, б, 2006), а также опыт организации полевых археологических лагерей, включающий в себя экспериментальное строительство и использование жилищ, соответствующие возможностям и практике палеолитического человека. Одноочажные жилища возможно представить в виде чумов. Трёхочажные жилища - в виде удлинённых строений с коньковой жердью - шалашей. Очаги в жилищах и на жилых площадках имеют в первом варианте кольцевые или полукольцевые (дугообразные) обкладки, во втором (более редком) – выложены камнями по всей поверхности. Очажное заполнение представляет собой чёрную золистую массу с углистыми и серыми вкраплениями. В некоторых очагах серая масса преобладает; она происходит от пережжённых костей, поскольку кость систематически использовали как топливо. Очаги периодически очищали от золы, в связи с чем рядом с жилищами появляются высыпки очажной массы, похожие на кострища. На уровне одного слоя сооружались одно- и трёхочажные жилища. Вместе с тем вполне возможно, что не все жилища сооружались и использовались одновременно. Жилища могли перестраиваться и переноситься, при этом использоваться камни из старых обкладок. Поселенческая архитектура дополнялась загородами и заплотами, являющимися защитными и хозяйственными сооружениями; от них сохраняются линейные структуры. Часть подобных структур могла являться запасами строительного сырья и сырья для изготовления орудий на холодное время года. Активное использование жилищ, в том числе для рабочей деятельности (например, обработки

камня) свидетельствует об обитании на поселении, представленного многочисленными слоями, не только в тёплое, но и холодное время года.

2.4. Каменный и костяной инвентарь. Каменный инвентарь выявлен во всех палеолитических слоях. Больше всего артефактов – в КС 3, 4, 4/2, 5, 6, что объясняется, прежде всего, большей степенью их раскрытия. Преобладают отщепы (60-70%), микропластинки (15-30%). Представлены нуклеусы (1-2%). Орудия сравнительно немногочисленны (3-5%). Каменный инвентарь свидетельствует о зарождении и развитии технологии микропластинчатой индустрии, основанной на использовании торцовых клиновидных микронуклеусов. В самых нижних КС (25-27) найдены примитивные микронуклеусы и мелкие изогнутые микропластинки, свидетельствующие о зарождении этой техники. Данные КС относятся к заключительной стадии средней поры верхнего палеолита. Они входят в круг таких памятников как Читкан (КС 2), Фомичёво (КС 2), Мельничное (КС 1) (Константинов М.В. 1994).

Палеолитические слои 4-24 характеризуют финальную (КС 3) и позднюю пору (4-24) верхнего палеолита. Наблюдается как техника микронуклеуса постепенно становится результативной, позволяющей получать серии микропластинок. Все микронуклеусы относятся к торцово-клиновидным. Несмотря на общий тип нуклеусов, формы и размеры конкретных нуклеусов строго индивидуальны. Они изменчивы, что свидетельствует как о мастерстве древних мастеров, приспосабливающихся к вариативности исходных каменных форм, особенностей и качества породы, так и недостаточном основополагающем знании и умении, не позволяющим получить более стандартизированную нуклеидную основу. Подавляющая часть микропластинок представлена фрагментами длиной 1,5-2,5 см. Целые микропластинки составляют не более 10% от их общего числа, что говорит о специальной фрагментации для вкладных наборных лезвий, где требуется прямоосность, а также ширина не менее 0,5 см, с учётом погружения части полотна в паз вкладышевого инструмента. Часть микропластинок, отобранных для использования как вкладные лезвия, ретушировались по краям. Незначительная часть микропластинок превращалась в мелкие острия и резцы. На фоне массово представленных в коллекции микронуклеусов, нуклеусы для пластинок и пластинок, почти незаметны. По отдельным экземплярам устанавливается, что они были подпризматическими однофронтальными, одноплощадочными. Для изготовления орудий широко использовались отщепы. Из крупных отщепов ударной ретушью оформлялись скрёбла. Из небольших отщепов оформлялись скребки разных очертаний, но всегда с дорсальной ретушью, с дислокацией по одному краю или же по периметру или его значительной части. У ряда скребков боковые края несут следы зажима в рукоятках. Выделяются скребки высокой формы из утолщённых основ. Скребки имеют размеры от 1,5 до 5 см. Отщепы служили основами долотовидных орудий. Выразительной серией представлены остроконечники. Для их изготовления использовались удлинённые основы, радикально отформатированные с применением различных комбинаций ретуши, крутой и приостряющей, и подтёсок, углублённых и плоскостных, уложенных на дорсал и вентрал. Остроконечники могли быть ножами и наконечниками копий и дротиков. В отличие от остроконечников резцы неприметны. Они выделены по скромным резцовым сколам, подправляющим края пластинок, микропластинок и отщепов, иногда дополненных аккомодационной ретушью. Из целых галек оформлялись классического сибирского типа чопперы, отдельные скрёбла. Гальки использовались в качестве наковален, отбойников и лоцил. Минерально-сырьевая база культурных слоев верхнего палеолита состоит из халцедона, яшмы, роговика, микрокварцита, причем в поздних, по хронологии, слоях разновидность сырья дополняется за счет песчаника, лампрофира, кварцита, горного хрусталя, кремня, празема и др. Яшма и халцедон относятся к приносимым с других мест минералам (Мороз, 2014). Костяные орудия единичны, что объясняется плохой «выживаемостью» исходной кости в конкретных геологических отложениях. Выявлено 4 иглы с

отверстиями в ушках из тонких птичьих костей и 2 шила из обломков трубчатых костей с заострённой подрезкой рабочей зоной и пришлифованной в ходе работы рабочей зоной.

2.5. Образ жизни: материальное и духовное. Усть-Мензинское урочище на протяжении тысячелетий избиралось людьми для поселения, поскольку имело существенные природные достоинства. Они заключались в следующем: зона поселения была обширной, а вместе с тем укромной, большую часть светового дня освещалась солнцем, при этом имела защиту от сильных ветров; две сходящиеся реки являлись удобными дорогами на дальние расстояния; урочище располагало выходами по ручьям Кабаний и Воровской в горную местность для охотничьей деятельности; в логах произрастали древесные растения, используемые для постройки жилищ и запасов топлива; берега рек покрывали россыпи валунно-галечного материала, необходимого для строительства жилищ, очагов и прочих конструкций, а также для изготовления каменных орудий. Природная среда сартанской эпохи включала в себя богатый животный мир. Фауна представлена обломками костей и зубов сибирского горного козла, горного барана, бычьих, козых, благородного оленя, лося, лошади, косули, тарбагана, лисицы, птицы. Фауна аналогичных Студёновских поселений включает в себя также носорога, бизона, винторогую антилопу, что расширяет список объектов охоты. Охота, как следует из состава фауны, велась и в хребтах, и в долинах, неподалёку от поселения и в отдалении. Поселения состояли из нескольких жилищ и были разумно организованы. Жилища находились в нескольких метрах друг от друга, что предостерегало от большого пожара. Жилища строились рационально. Больше всего усилий занимала обработка шкур. С учётом того каких животных добывали усть-мензинцы, на покрытие одноочажного жилища диаметром и высотой по 5 м уходило до 50 шкур, на трехочажное жилище – в 2-3 раза больше (Константанов А., 2001). Шкуры скорее всего являлись самым важным материальным достоянием общин, и использовались длительное время. Они требовали внимания и после завершения обработки, поскольку их надо было сшивать в пологи и регулярно просушивать, а возможно, удалять с них волосной покров, превращая в кожи – ровдуги. Каркас строился из прямоствольных деревьев. Каменная основа жилища формировалась за счёт весомых валунов с берега реки, размещаемых во внешней обкладке жилищ и очагов, а также служащих интерьерными камнями. Их запасали в тёплое время, у открытой воды, поскольку в холодный период они вмерзали в береговой грунт, перекрывались снегом или льдом. В жилищных очагах найдены яркие камни – красные, коричневые, белые, которые как бы имитировали яркий огонь в определённых ситуациях (КС 4, стр. 6; КС 5, стр. 5; КС 6, стр. 3). В ходу была красная охра. Чаще всего она встречается в зоне расположения очагов. Жилища являлись самым крупным объектом создаваемым человеком. Внешняя красота жилищ соответствовала их полезности в быту. Фактически жилище было символом устроенной, размеренной и безопасной жизни, одухотворённое человеческой мыслью и деятельностью. Организация поселений и характер жилищ свидетельствует о том, что их обитатели не были бродячими бездомными охотниками или даже сезонно перемещающимися коллективами. Они имели базовые поселения весьма длительного действия. Обитатели поселений переселялись на другие места по необходимости. Реальной, опознаваемой причиной был высокий паводок, который затапливал поселение на некоторое время. Возможно, были и другие причины, природные и общественные, но они непосредственно археологическим материалом не раскрываются. Палеонтологические материалы не позволяют говорить по части сезона охоты, но весь облик поселений с надёжными и разными жилищами, с нередким активным рабочим процессом внутри жилищ, позволяет считать, что люди на этом речном берегу жили не только в тёплое время, у открытой воды, но и в холодное, зимнее, весьма длительное в плейстоценовую эпоху. Вместе с тем в системе отложений Усть-Мензы-2 представлены культурные слои 4/3, 4/4, 7-19. 23-27, свидетельствующие о кратковременном обитании на этом месте небольших мобильных охотничьих групп.

2.6. Культурная корреляция. Усть-Менза-2 входит в обширный ареал, в котором получила распространение микропластинчатая техника, основанная на использовании в технологии микронуклеусов. Этот ареал охватывает южную Сибирь и Дальний Восток, южную и центральную Якутию, Северную Америку, большую часть Японии, Северный Китай, Монголию. Внутри этой территории микронуклеусы переменны, что в значительной степени определяется исходной формой и характером её обработки (Кузнецов О.В. 1996). Каменная индустрия Усть-Мензы-2 не только в отношении микропластинчатости, но и во всех технологико-типологических составляющих, находит полные аналогии в палеолитических культурных слоях поселений бассейна Чикоя и Мензы, таких как Усть-Менза-1,3,4, Студёное-1,2, Косая Шивера-1,2. На этих памятниках изучены принципиально такие же по конструкции жилища в обоих известных вариантах: одно - и многоочажные, с речными камнями во внешних и очажных обкладках. Поселения близки друг другу по выбору места обитания и организации жизни и хозяйства. Материалы поселений друг друга удачно дополняют. Так, на Студёном-2 в КС 4/5 найден уникальный жезл начальника из рога северного оленя, пропитанный красной охрой, с меандровым и линейным орнаментом. На поселении Студёное-1 в КС 18/2 обнаружен костяной вкладышевый однопалый нож длиной 26,8 см, единственный для всего круга забайкальских памятников эпохи сарпанского оледенения. Сходство по всем культурным позициям указанных памятников позволило выделить Студёновскую археологическую культуру, характеризующую поздний этап верхнего палеолита (18-10,8 тыс. л.н.) и территориально локализованную в пределах долин рек Чикоя (среднее течение) и Мензы. По части каменной индустрии эта культура является антиподом Сухотинской культуры с базовым памятником Сухотино-4 на реке Ингоде, где широко практиковалась бифасиальная техника оформления многочисленных остроконечников и ножей (Окладников, Кириллов, 1980). Студёновскую культуру возможно соотнести с афонтовской культурой Енисея, что определяется преимущественным использованием отщепов как основ для орудий, а также микропластин в виде вкладных лезвий, тогда как крупно-среднепластинчатая техника отходит на второй план (Абрамова, 1979 а,б).

Глава 3. Усть-Менза-2: эпоха палеометалла

3.1. Голоценовая лагуна и её заполнение. Особенностью многослойного поселения Усть-Менза-2 как археологического объекта является наличие хронологической лагуны между 10,3 и 3,8 тыс. л.н. Она приходится на период между концом палеолита и началом эпохи палеометалла и охватывает мезолит и неолит. В отложениях этого времени, представленных ЛС 3, находок не выявлено. Их отсутствие объясняется тем, что древние люди в это время получили возможность селиться на поверхностях формирующейся I террасы, расположенной по соседству. К тому же на этой террасе не было вечной мерзлоты в отличие от II террасы, где она сохраняется до сих пор. На I террасе находится поселение Усть-Менза-1 с 25 культурными слоями поздней поры верхнего палеолита, мезолита, неолита и бронзы. Раскопы Усть-Мензы I и II соединены между собой в единое исследовательское поле.

3.2. Культурные слои 1 и 2. На поселении выделено два культурных слоя эпохи палеометалла, или иначе эпохи бронзы в её таёжном варианте. Они обозначены как КС 1 (поздняя бронза) и КС 2 (ранняя бронза). КС 2 изучался двумя горизонтами по 10-12 см каждый. КС 1 и 2 занимают позиции в кровле отложений II террасы.

Культурный слой 1 (КС 1) изучен на площади 1206 кв.м. Связан с дерново-почвенным слоем (ЛС 1). Мощность слоя 12-20 см. Данный слой распахивался, что привело к нарушениям изначальной позиции артефактов и полному разрушению структур. В раскопах 1-2, 2А, 2Б обнаружены многочисленные артефакты, рассеянные по всей изученной площади (5704 экз.). В раскопе 3 находки единичны (58), что свидетельствует об его окраинной позиции на поселении этого культурного уровня. Во всех раскопах выявлено 4880 каменных изделий, 873 фрагмента керамики и 9 костных

остатков. Самыми массовыми являются микропластинки (2251) и отщепы (2231). Пластины единичны-2, пластинки немногочисленны- 48. Большой серией представлены микронуклеусы - 87; крупные нуклеусы невыразительны, в их основе речные гальки, с которых сбивались отщепы и пластинки - 6. Микропластинки ретушируются по краю - 58, иногда обрабатываются пластинки - 7. Из микропластинок и отщепов оформляются краевой ретушью концевые и округлые скребки - 69, скобели - 3, ножи - 5, острия - 15, долота - 1. К приметным орудиям относятся нуклеусы-дрили - 3, провёртки - 1, бифасиальные вкладыши - 5, наконечники стрел подтреугольные - 5 и даурские - 9. Крупные орудия предназначались для рубки, разбивки, размола. Выделены топоры, кирки, чопперы, песты, отбойники, наковаленки - 28. Из крупного отщепа изготовлено обушковое скребло. Выявлены абразивы - 4, а также грузило. Уникальной находкой является скульптура из талька, изображающую рыбу. Чешуя и прочие детали выполнены в виде гравировки. Найдено 873 фрагмента керамики. Их размеры 3-5 см. Большинство фрагментов от 45 круглодонных тонкостенных сосудов с оттисками нитей на поверхности. Сосуды имели прямые или слегка отогнутые венчики. Украшались штамповым орнаментом. Меньшая часть фрагментов - от 14 плоскодонных толстостенных сосудов, в том числе с наlepным рассечённым валиком. Особо следует отметить находки 3 фрагментов от ножек трипода и фрагменты от 5 плоских глиняных плиток.

Культурный слой 2 (КС 2). Связан с каштановой супесью мощн. 20-25 см (ЛС 2). Имеет отчётливую границу с вышележащим слоем (ЛС 1, КС 1) по цвету, мехсоставу и плотности. Изучен на площади 1206 кв.м; представлен во всех раскопах. Изучался двумя горизонтами (1,2) с делением слоя наполовину. Правомерность разделения на два горизонта подтвердилась двумя уровнями хозяйственных и погребальных структур.

КС 2. Горизонт 1. В северо-восточной части раскопа 1-2 выявлены три погребальные кладки из небольших скальных обломков. Кладки однорядовые, плоские, неправильно-овальной формы, скорее всего, деформированные. Параметры в пределах 3 на 2 м. Под кладками выявлены ямы параболоидной формы глубиной до 1,3 м. В них ничего не обнаружено. Отсутствие останков человека объясняется или их полным исчезновением в результате гниения, или же изначальным отсутствием (вариант кенотафа). В восточной части раскопа 2А расположен очаг овальной формы. Размеры 75×60 см. Поверхность выложена 17 гальками размерами 15-30 см. Они обожжены. В разрезе очага - серая золистая масса мощн. 5-7 см. На приочажной площадке 18 галек, таких же как очажные, но без следов огня. В южной части раскопа 3 выявлен округлый очаг диаметром 85 см, выложенный 29 обожжёнными камнями. Мощность заполнения в виде прокаленной супеси 25 см. Около очага концентрировалось 765 артефактов, представленных микронуклеусами, микропластинками, отщепами, фрагментами керамики. Из орудий найдены нуклеус-드릴, 2 скребка, тесло с оббитыми краями, чоппер, молот из кварцитового желвака, а также весьма редкое для забайкальских поселений шлифованное орудие (обдомок). Всего в КС 2, гор. 1 выявлено 16248 находок, из них каменных изделий - 12858, фрагментов керамики - 3390, костных остатков - 37

КС 2. Горизонт 2. Археологический материал представлен, в основном, в раскопах 1-2, 2А, 2Б и в юго-восточной трети раскопа 3. В восточной части раскопа 2А расчищено 2 очага, выложенных речными гальками. Очаг 1 - 210х130 см; очаг 2 - в два раза меньше. Мощн. чёрно-сажистого заполнения 20-30 см. В раскопе 2Б выявлена особая структура, названная условно «кладовой рудознатца». Представлена двумя округлыми ямками диам. 98 и 50 см и глуб. до 40 и 15 см. Ямка 1 обрамлена серией массивных орудий в виде пестов, молотов и др., предназначенных для добычи и дробления руды. В ямке есть явные следы от огня. В ямке 2 орудия находятся внутри её. Этот объект можно оценить как ритуальный, предназначенный для освящения горнорудных орудий. В восточной части раскопа 3 выявлена жилая площадка. Её площадь 96 кв.м. В ней представлен очаг овальной формой размерами 105 х70 см.

Обрамлѣн речными камнями. Заполнение мощн. 22 см из красного прокала с сажистыми вкраплениями. Рядом с очагом выявлено кострище овальной формы размерами 122x65 см с двумя камнями по краям. Мощн. заполнения 42 см, форма дна ямы параболическая. Заполнение представляет собой красную прокаленную супесь с сажистыми примазками. В средней части оказался крупный фрагмент керамики, а под ним небольшой камень как подпорка. Кострище предназначалось для горячей просушки глиняной посуды. По соседству оказалось ещё 3 кострища и хозяйственная яма с гумусированной супесью мощн. 10 см. Особый интерес представляет ямка с песчаным ярко-зелѣным заполнением. Еѣ диам. 30 см, заполнение 25 см. Спектральный анализ подтвердил присутствие меди. Вероятно, в ямке оказались куски самородной меди или медные вещи, разложившиеся до зелѣного порошка. Жилая площадка со всеми структурами насыщена находками - 3309 экз. Состав находок: отщепы, микропластинки, пластинки, фрагменты керамики. Большой серией представлены микронуклеусы. Встречаются скребки, скрёбла, нуклеус-드릴, чоперы, отбойники, песты. Особо ценной находкой является медиальный фрагмент копья с бифасиальной ретушью. Приметна находка топора. Помимо данной жилой площадки зафиксировано несколько скоплений артефактов. 1-е скопление – 229 артефактов, из них выделяется 2 точильных камня из сланца. 2-е скопление - 1324 находки. Наиболее массовыми являются отщепы, микропластинки, пластинки и фрагменты керамики. Выявлена серия скребков. Единичными экземплярами представлены: скребло, проколка, угловой резец из микропластинки, нуклеус-드릴 и др. С восточной стороны найдено 5 микронуклеусов в сопровождении микропластин и мелких отщепов. 3-е скопление находок представлено 675 артефактами, в большинстве своём микропластинками, пластинками и мелкими отщепами. Единичным экземпляром представлен скребок. Всего в данном горизонте выявлено 2812 артефактов. В раскопе 3 обнаружено два погребения. Первое погребение представлено тѣмным овальным пятном разм. 162x72 см с приметным камнем на его поверхности. Под ним скрывалось золистое пятно. Красная охра окрашивает бор могильной ямы глубиной 30 см. В погребении обнаружены 2 наконечника подтреугольной формы с тонким прямым сечением. Они, очевидно, являются ритуальными имитациями настоящих наконечников. Зафиксирован тлен от эпифиза и черепного свода. Второе погребение обозначено курганной кладкой из камней, приподнятой по центру до 0,5 м, перекрывающую могильную яму округлой формы диаметром до 2,3 м, глубиной 55 см. Ниже кровли ямы выявлена красная охристая прослойка мощн. 3-5 см. С ней связан каменный наконечник стрелы с бифасиальным оформлением. Всего в КС 2, гор 2 выявлено 13370 находок, из них каменных изделий - 12101, фрагментов керамики – 1232.

В двух горизонтах КС 2 выявлено 29618 находок, из них каменных изделий - 14959, фрагментов керамики – 4622, костных остатков – 37. Характеристика предметного материала из КС 1 и 2 с учётом его сходства дана обобщѣнно в последующих разделах.

3.3. Хронология и периодизация. Геологическая позиция слоѣв в структуре отложений археологического объекта отчётлива. КС 1 связан с дерново-почвенным слоєм, сформировавшимся в субатлантическое время. КС 2 - с нижележащей каштановой супесью, сформировавшейся в суббореальное время. Такой расклад соответствует сибирской геохронологии голоцена. Археологическим доказательством отнесения данных культурных слоѣв к эпохе бронзы является выявление в них свидетельств использования обитателями поселения металла в виде меди и бронзы. В обоих слоях обнаружены массивные каменные орудия, предназначенные для добычи и механической переработки руды, такие как молоты, кирки, отбойники, песты. В этих же слоях найдены абразивы из песчаника и сланца со следами заточки металлических инструментов. В раскопе 2А, КС 2, гор. 1 найден отщеп со следами меди на поверхности. Формируется следующая периодизация: культурный слой 1 – поздняя бронза, 2,8-2,0 тыс. л.н.; культурный слой 2, горизонты 1, 2 – ранняя бронза, 3,8-2,8 тыс. л.н. Более полное различие между периодами возможно представить за счёт привлечения к анализу

памятников-коррелятов. Указанные хронологические рубежи демонстрируют реальное длительное наполнение каждого культурного стратиграфического подразделения. Это значит, что древние люди многократно, а точнее сотни раз, приходили и уходили с этого места. Археологическими доказательствами продолжительности нахождения культурных остатков на древней дневной поверхности является крайняя фрагментированность керамической посуды и почти полное разрушение костных остатков.

3.4. Корреляция. Обзор чикойско-мензинских памятников рассматриваемой эпохи (Усть-Менза-4-14, Студеное-1, 2, Читкан, Фомичево, Кристинкина пещера, Солонцовое, Усть-Буркал, Алтан, Н. Еловка-2 и др.) показывает представительность материалов эпохи бронзы в таёжной зоне. Памятники дополняют друг друга, образуя единую с поселением Усть-Менза-2 базу для обобщённого анализа материальной культуры древнего населения.

3.5. Использование металла. На поселении Усть-Мензы-2 и памятниках-коррелятах выявлены прямые и опосредованные доказательства добычи и переработки руды и использования металла. В целом, бронзовых орудий немного, а медь в условиях низких температур и их перепада не сохраняется. В культурных слоях и погребениях ранней бронзы найдены бронзовые вещи, т.к. литое шило, 2 наконечника стрел, 2 обломка ножей (Кристинкина пещера), пуговица, скрепка (Студёное-1); литейная форма (Усть-Менза-1); мелкие кусочки руды (Алтан), капля бронзы (Студёное-1), зелёное пятно с проявлением меди и отщеп с окисью меди (Усть-Менза-2), касситериты (Н. Еловка-2); горнорудные инструменты (Усть-Менза-2, Н. Еловка и др.); «кладовка рудознатца» (Усть-Менза-2); абразивные инструменты для заточки металлических изделий (Усть-Менза-1, 2, Алтан, Кристинкина пещера). В культурных слоях поздней бронзы найдены: бронзовый нож с рукоятью (Усть-Менза-4), обломок бронзового ножа (Студёное-1); яма с древесным углем (Усть-Менза-1); горнорудные инструменты и абразивы (Усть-Менза-2 и др.). Предметные и объектные находки являются доказательством использования бронзовых изделий таёжным населением, начиная со второй четверти II тыс. до н.э. С этого же времени начались поиски медной и оловянной руд. Месторождения этих руд известны на Чикое и Мензе (Сергеева, 1981). Расположение поселения Нижняя Еловка вплотную к месторождению касситерита и непосредственная его обработка на поселении напрямую свидетельствует о появлении древних горняков. Поселение Студёное находится в 10 км от молибденового месторождения Гутай. Известно, что молибден связан с медистыми песчаниками. На Чикое встречаются проявления самородной меди, плавкой и тягучей.

3.6. Индустрия камня. С началом использования металла продолжают широко применять орудия из камня. Так, выявлены орудия крупных размеров - 89 экз. Они представлены в виде чопперов, топоров, пестов, отбойников, молотов, абразивных камней. Их основами служат, чаще всего, речные гальки. Крупные орудия имели различные назначения. Чопперы, в основном, использовались как рубящие инструменты без рукояти. В отличие от них топоры и кирки могли прикрепляться к деревянным рукоятям. Песты использовались для растирания и мелкого дробления. Молоты и крупные отбойники служили для добычи и первичного дробления руды. Небольшие по размерам отбойники использовались при расщеплении камня и кости. Абразивные камни – для заточки металлических и костяных инструментов. Важное место в технике обработки камня занимало микронуклеоидное расщепление камня. В слоях бронзы Усть-Мензы-2 найдено 539 микронуклеусов. Часть из них (12%) характеризуют предварительные фазы, отражающие подготовку элементов нуклеуса. Практически все нуклеусы оформлялись как торцовые клиновидные. Специальными подсчётами и измерениями установлено, что с одного микронуклеуса могло сниматься 50-100 микропластинок. Высокий уровень микрорасщепления мог достигаться за счёт бронзовых отжимников, похожих по форме на короткие шилья. Установлено, что

микронуклеусы преобразовывались в нуклеусы-дриль - 30 экз. В соответствии с масштабным использованием микронуклеусов значительными сериями представлены микропластинки - 12489 экз. Они составляют конкуренцию отщепам - 13270 экз. Большинство микропластин фрагментировано, только 5% сохранили свои параметры. Максимальная длина микропластинки – 5,5 см при ширине 0,9 см и толщине 2 мм. Часть прямоосных микропластинок и фрагментов ретушировалась по краям - 349 экз. Из микропластинок серийно изготавливались наконечники стрел и острия даурского типа, резцы, провертки (сверла). Среди каменных изделий выявлены пластины и пластинки. На части пластинок отмечена краевая ретушь. Из пластин и пластинок подбирались подтреугольные основы для наконечников копий и дротиков (13 экз.), которые оформлялись ретушью в районе острия, по краям и насаду. При этом морфологически выраженные нуклеусы для снятия пластин и пластинок отсутствуют. Отщепы получались при изготовлении орудий из целых основ и при оформлении нуклеусов, предназначенных для снятия пластинок разных параметров. Присутствуют крупные и средние размеры, но преобладают (до 90%) отщепы миниатюрных размеров (до 3 см). Крупные отщепы использовались для оформления скрёбел, ножей. Большие серии образуют скребки – выделяются округлые и концевые формы. Рабочие края скребков всех типов обработаны приострающей или крутой ретушью. Представлены также скребки высокой формы из утолщённых отщепов с дугообразным или округлым рабочим краем. Небольшие группы острий (проколов) с небольшими шипами, скобелей с выемками и долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской на краях оформлены на отщепах. Каменные изделия, особенно микронуклеусы и мелкие орудия из яшмы и халцедона являлись носителями не только технического, но и эстетического начала. Костяные изделия на поселениях немногочисленны, поскольку кость, как таковая, сохраняется очень плохо.

3.7. Керамические изделия. Керамика на всех памятниках представлена разрозненными фрагментами, почти не поддающимися аппликации. Небольшая часть фрагментов отнесена к плоским овальным плиткам. Они имеют прямой профиль и толщину 0,5-0,6 см. Назначение плиток остаётся неизвестным. Подавляющее большинство фрагментов принадлежат сосудам. Не один из фрагментов не имеет соединительных швов характерных для ленточной формовки сосудов. Вероятно, сосуды изготавливались способом лепки на твёрдой основе. Таковой мог служить готовый сосуд из глины, или же специальная цельная болванка из того же материала. Доводка стенок сосуда до одинаковой толщины (0,2-0,3 мм), их уплотнение осуществлялась техникой выбивания (выколачивания) с использованием лопаточки (колотушки), обмотанной нитями. Формы сосудов были простые: открытый верх диаметром до 20-25 см, прямые стенки, округлое дно, высота – до 30-35 см. Художественная орнаментация наносилась с помощью штампов. Отдельный оттиск штампа определяется как элемент. В качестве штампа могла использоваться простая палочка, косточка, а в некоторых случаях зубы животного. Штампами наносились по сырой глине оттиски глубиной 1-2 мм. Выделяются прямоугольные, овальные, округлые и серповидные вдавления размерами 3-4 мм, при этом различия в форме оттиска зависели не только от формы штампа, но и от того под каким углом соприкасался с поверхностью сосуда один и тот же штамп. Оттиски штампа образуют горизонтальные ряды с расстоянием в одном ряду между оттисками в 2-4 мм, а между рядами 3-5 мм. Весьма выразителен гребенчатый штамп. Наиболее часто использовался желобчатый орнамент, встречается пунктирный. Выделяется орнамент в виде тонких прямых линий, расположенных параллельно венчику. Сосуды украшались также косыми штрихами. Орнамент не только украшал сосуды, но и служил своеобразным оберегом от разрушения. На части фрагментов обнаружены следы покраски охрой. На редких фрагментах верхние поверхности сохранили оттиски грубой крупноячеистой ткани, похожей на сетку-плетёнку. Формы сосудов были простые с открытым округлым верхом, параболические по профилю, с

округлым дном. Выявлены тонкостенные с округлым дном и толстостенные плоскодонные. К глиняному тесту при его замесе добавлялся песок, в основном мелкозернистый, или мелко разрезанная шерсть, служившие отошителями глиняного теста. На поверхностях сосудов, внешней и внутренней, встречаются растительные отпечатки, особенно интенсивные в зоне дна. Сосуды имеют достаточную прочность для того, чтобы они могли использоваться длительное время. Прочность стенок достигалась за счёт просушки сосудов в прокалённых ямах с горячим древесным углем. Этот метод можно назвать горячей просушкой. Он позволял избегать массовой выбраковки керамической посуды. Важным свидетельством этого является найденная на Усть-Мензе-2 яма-кострище диаметром около 1 м и глубиной 45 см со следами высокой температуры в заполнении и фрагментом округлого доннышка, оставшегося на дне ямки. Второй тип сосуда – плоскодонный толстостенный. Они появляются в период ранней бронзы и более широко употребляются в позднюю бронзу. Такие сосуды были более крупными и тяжёлыми. Стенки сосуда заглаживались. Под венчиком располагался налепной валик, иногда он украшался (рассекался) косыми насечками. По немногочисленным фрагментам формы таких сосудов отчётливо не устанавливаются. По размерам и массивности они превосходили тонкостенные. Вероятно, такие сосуды должны были обжигаться в печах, чему могло способствовать зарождающееся литейное производство.

3.8. Культурная и стадийная принадлежность. Разнообразные серии каменных изделий в сравнении с единичными реальными бронзовыми изделиями определяет исследовательский подход к фундаментальной оценке данной фазы развития таёжных племён как к эпохе палеометалла. Она делится на ранний и поздний периоды, которые по времени соответствуют бронзе и раннему железу забайкальских степей. В рамках эпохи палеометалла отмечаются прогрессивные изменения в материальной культуре. Они связаны с накоплением опыта в горнорудном и литейном производстве, а также с контактами с соседями-степняками, присутствие которых замечено на остепнённых и пойменных участках среднего Чикоя. Сохраняется широкое использование камня, при этом мастерам хорошо известны не только местные источники сырья, связанные с галечными россыпями по берегам рек, но и отдалённые, требующие длительных походов, в основном, за яшмой и халцедоном. Каменная индустрия обогащается появлением орудий, позволяющих добывать и дробить руду. Это молоты, кирки, песты, отбойники; для их изготовления используются массивные гальки подходящих форм, иногда они оформляются техникой пикетажа, но чаще всего элементарной обивкой. Особо выделим абразивные инструменты, используемые для заточки металлических ножей и шильев, а также уникальную половинку литейной формы с Усть-Мензы-1. Опыт, приобретённый в поисках камня, позволил научиться обнаруживать руду. В виде минерала или порошка зелёного цвета следы использования руды замечены, соответственно, в Алтане (КС 7) и Усть-Мензе-2 (КС 2). Отметим, что медные инструменты в геохимически активных почвенных или песчаных покровных слоях фактически не сохраняются. Выявлены единичные бронзовые изделия: шило, обломки ножей, плоские подтреугольные наконечники (повторяющие по форме каменные), полушарная пуговица. Нет сомнений, что реальное использование бронзовых вещей, особенно в поздней фазе палеометалла (поздней бронзе) было более представительным, но металл берегли и использовали вторично, до полного истощения инструмента. Для получения бронзы использовали медную и оловянную руды. Использование бронзовых инструментов позволило сократить производство изделий из пластин и пластинок, но микропластинки по-прежнему широко использовались. В культурных слоях массово представлены фрагменты от керамических сосудов. В раннюю фазу палеометалла они были, в основном, круглодонными. В позднюю фазу, наряду с таковыми, распространились плоскодонные. Керамическое производство, судя по формам и орнаментации, было дальнейшим развитием местных неолитических

достижений. Вместе с тем в поздней фазе палеометалла на таёжных поселениях появляются триподы, что позволяет вспомнить о носителях культуры плиточных могил. Несмотря на противоположность природно-социальных миров – таёжного охотничьего и степного кочевого – контакты между ними были вполне возможны. Вероятно, эти контакты проявились и в том, что в позднюю бронзу у обитателей чикойской тайги появились домашние животные – козы, овцы, свиньи и коровы (Студёное-1, КС 1; Усть-Менза-3, КС 1). В отличие от населения культуры плиточных могил с их масштабными захоронениями таёжные погребения эпохи бронзы более скромные и незаметные. Они обозначены каменными кладками или единичными камнями, полностью скрытыми под дерново-почвенным слоем. В неглубоких грунтовых ямах в некоторых случаях сохраняются останки людей в скорченном положении с отсутствующим или бедным погребальным инвентарём; отмечается использование красной охры и следов огня в виде золы и угля. В итоге следует заключить, что население тайги в эпоху палеометалла не ушло в степи и не поддавалось давлению степняков. Оно максимально адаптировалось к таёжной среде и научилась извлекать из неё природные блага достаточные для устойчивого обитания. Сохраняя традиции и познавая новое, они сохранили своё место в мире, позволив появиться в дальнейшем историческим таёжным этносам, составившим основное население забайкальской тайги ко времени прихода русского населения в XVII веке.

В «**Заключении**» подводятся итоги, определяющие степень изученности памятника, его характер, достоинства и значимость, раскрывается суть проведённого исследования, сконцентрированного в защищаемых положениях, формулируются особенности исторического развития древнего населения юго-западного Забайкалья.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. **Маслодудо С.В.** Многослойное поселение Усть-Менза-2 (новый этап изучения) / С. В. Маслодудо // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 153-161. – DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-4-153-161. – EDN ZEKBDV.

2. Константинов М.В., Васильев С.Г., Филатов Е.А., Викулова Н.О, **Маслодудо С.В.** Древняя история Забайкальского края в свете новых археологических открытий / М. В. Константинов, С. Г. Васильев, Е. А. Филатов [и др.] // Известия лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14, № 1(26). – С. 9-19. – DOI 10.21285/2415-8739-2018-1-9-19. – EDN YTMXAC.

3. **Маслодудо С.В.** Многослойное поселение Усть-Менза-2 в юго-западном Забайкалье / С.В. Маслодудо // Известия лаборатории древних технологий. – 2023. – Т. 19, № 4 – С. 8-22. – DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-8-22. – EDN: BCDFBC.

В других изданиях:

4. **Маслодудо С.В.**, Гантимурова М.И. Могильник Жиндо-3 в Забайкальском крае (новые данные) / С.В. Маслодудо, М.И. Гантимурова // Археология, Этнология и Антропология Евразии исследования и гипотезы. Материалы докладов ЛП Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета 31 марта – 6 апреля 2012 г. – Новосибирск, 2012 г. – С. 104 - 105

5. **Маслодудо С.В.** Поселение Будулан (Юго-Восточное Забайкалье). Новые данные. / С.В. Маслодудо // Археология, Этнология и Антропология АТР. Междисциплинарный аспект. Материалы докладов ЛП Региональной (IX Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 24-30 марта 2013 г. – Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2013 г. – С. 109 – 111

6. **Маслодудо С.В.** Неолит и бронза таёжного Чикоя: природная и культурная стратификация / С. В. Маслодудо, М. В. Константинов // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов, Барнаул, 02–07 октября 2017 года. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. – С. 673-674. – EDN ZGMLHN.

7. **Маслодудо С.В.** Техника микронуклеуса эпохи ранней бронзы таежного Забайкалья (по материалам поселения Усть-Менза 2) / С. В. Маслодудо // Материалы 55-й международной научной студенческой конференции МНСК-2017, Новосибирск, 16–20 апреля 2017 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2017. – С. 41-42. – EDN IYHXXI.

8. **Маслодудо С.В.** Усть-Менза-2: крупные каменные орудия эпохи ранней бронзы / С. В. Маслодудо // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: Материалы LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Омск, 25–27 апреля 2018 года / Ответственные редакторы М.Л. Бережнова, И.В. Толпеко. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 98-100. – EDN XOFWSD.

9. Константинов М.В., Васильев С.Г., **Маслодудо С.В.**, Викулова Н.О. Раскопки поселения Усть-Менза 2 / М. В. Константинов, С. Г. Васильев, С. В. Маслодудо, Н. О. Викулова // Археологические открытия. – 2018. – Т. 2016. – С. 453-455. – EDN VSGOPU.

10. Константинов, М. В., Екимова Л. В., **Маслодудо С.В.** Изучение древнего поселения Усть-Менза 7 в Забайкалье / М.В. Константинов, Л.В. Екимова, С.В. Маслодудо // Археологические открытия. – 2019. – Т. 2017. – С. 502-503. – EDN GWHDRТ.

11. Константинов М.В., **Маслодудо С.В.** Таежное закусилье кочевого мира (по памятникам бассейна реки Чикой) / М.В. Константинов, С.В. Маслодудо // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16– 21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – С. 43-46.

12. **Маслодудо С.В.** Поселения эпохи бронзы бассейна реки Чикой / С. В. Маслодудо // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных, Благовещенск - Хэйхэ, 08–12 апреля 2019 года. – Благовещенск - Хэйхэ: Благовещенский государственный педагогический университет, 2019. – С. 100-102. – EDN CSLDBO.

13. **Маслодудо С.В.** Палеолитические слои поселения Усть-Менза-2 (Забайкалье) / С. В. Маслодудо // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: В 3-х т., Самара, 10–12 февраля 2020 года. Том I. – СГСПУ: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020. – С. 55-56. – EDN ECDSRG.

14. **Маслодудо С.В.** Палеолитические жилищные комплексы Усть-Мензы-2 (культурный слой 4) / С. В. Маслодудо // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием: Сборник материалов конференции, Иркутск, 07–09 декабря 2020 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. – С. 62-63. – EDN BIEYYX.

15. **Маслодудо С.В.** Новый этап исследования поселения Усть-Менза-2 (палеолитический слой 5) / С. В. Маслодудо // Сохранение историко-культурного наследия: опыт, проблемы и перспективы: Сборник статей научно-практической конференции, Чита, 25 ноября 2021 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. – С. 44-48. – EDN GBEPQQ.

16. **Маслодудо С.В.** Каменные структуры палеолитических слоев поселения Усть-Менза-2 / С.В. Маслодудо // 300 лет научных исследований в Забайкалье: материалы международной научной конференции / Забайкальский государственный университет; ответственные редакторы А.В. Константинов, И.И. Разгильдеева. - Чита: ЗабГУ, 2024.- С. 69-73. - ISBN 978-5-9293-3314-9.

17. **Маслодудо С.В.** Геологическая стратиграфия и археологическая структура поселения

Усть-Менза-2 (юго-западное Забайкалье) / С.В. Маслодудо // Палеоэкология и динамика культуры в плейстоцене Евразии. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2024- С. 31-33. - ISBN: 978-5-6050962-9-0 DOI: 10.31600/978-5-6050962-9-0